

2. Багдасарян, В. Э. Политическая символика: монография / В. Э. Багдасарян. – М.: ИНФРА-М, 2017. – 221 с.

3. Василевич, Г. А. Конституция Республики Беларусь (научно-практический комментарий) / Г. А. Василевич. – Минск: Право и экономика, 2000. – 484 с.

4. Корников, А. А. Основы российской геральдики: курс лекций: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 020700 – История / А. А. Корников; М-во образования и науки Рос. Федерации, Иванов. гос. ун-т. – Иваново: Иванов. гос. ун-т, 2004. – 217 с.

5. Мисюров, Д. А. Роль государственной символики в моделировании политических процессов в Российской Федерации: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Д. А. Мисюров. – М., 2005. – 189 с.

6. Конституция Республики Беларусь 1994 года: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. / М-во внутрен. дел. Респ. Беларусь. – Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2010. – 40 с.

7. Статистика ключевых слов на Яндексе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wordstat.yandex.ru>. – Дата доступа: 29.01.2019.

8. Замятин, Д. Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических об-разов / Д. Н. Замятин. – СПб.: Алетейя, 2003. – 336 с.

(Дата подачи: 28.02.2019 г.)

Н. А. Антанович

Белорусский государственный университет, Минск

N. Antanovich

Belarusian State University, Minsk

УДК 321.6+321.7

ГИБРИДНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ В ТИПОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

HYBRID REGIMES IN THE POLITICAL SYSTEMS TYPOLOGY

В статье раскрывается динамика научного дискурса по проблемам классификации политических систем. Рассмотрены социально-политические и внутринаучные предпосылки появления концепта гибридных режимов. Определены особенности гибридных режимов. Выявлены две линии в трактовке гибридных режимов: внешняя близость к демократиям, соответствующим критериям конкуренции элит и свободного демократического участия; принадлежность к так называемым эксклюзивным политическим системам, таким как конкурентный авторитаризм либо «дефектная фасадная демократия» и ее разновидности.

Ключевые слова: гибридный политический режим; политическая система; тоталитаризм; авторитаризм; неоавторитаризм; демократия.

The article discusses modern scientific discourse on the problems of political systems classification. The sociopolitical and intra-scientific prerequisites for the concept of hybrid regimes are considered. Features of the hybrid regimes are determined. Two lines have been identified in hybrid regimes interpretations: external proximity to democracies that meet the

criteria for elite competition and free democratic participation; belonging to exclusive political systems, such as competitive authoritarianism or «defective façade democracy» and its varieties.

Keywords: hybrid political regime; political system; totalitarianism; autocracy; neo-authoritarianism; democracy.

Цель статьи состоит в выявлении особенностей научного дискурса по проблемам классификации политических систем с акцентом на их смешанные, гибридные разновидности.

Изучение гибридных политических режимов – проблема, которая была поставлена политологами в 1990-е гг. В ряду авторов, которые впервые применили термин «гибридный режим», называют Т. Л. Карла, который изучал политические системы Центральной Америки (Karl, Terry Lynn. *The Hybrid Regimes of Central America*, 1995). Одной из значимых публикаций также стала работа Д. Коллиера и С. Левитского «Демократия с прилагательными» (1997). Вклад в изучение гибридных политических режимов внесли известные западные политологии: Г. О’Доннел, Ф. Шмиттер, Л. Вэй, Б. Геддес, Л. Даймонд, Ф. Закария, Л. Марлино, В. Меркель, М. Богардс, Т. Бейхелт, М. Шмидт. Среди российских политологов изучением гибридных режимов занимаются В. Я. Гельман, Е. А. Кузьмина, Ю. А. Нисневич, А. В. Рябов, Г. А. Сатаров, С. Н. Шкель, Л. Ф. Шевцова, Е. М. Шульман и др. По проблематике динамики политических режимов российскими авторами в последние годы защищены диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук: «Трансформация институтов судебной власти в процессе консолидации гибридного политического режима (на примере Конституционного суда РФ)» (И. С. Григорьев, 2017), «Особенности модернизации постсоветских политических режимов» (М. М. Маммадов, 2017).

Концепт гибридных политических режимов стал следствием необходимости переосмысления нескольких ключевых исследовательских полей политической науки: 1) сравнительный анализ государств, сущность и типология политических систем; 2) изучение обществ транзита («транзитологическая парадигма»); 3) теория демократии и переосмысление практики демократического политического процесса; 4) исследование авторитарных политических режимов. Специализированная библиография изучения гибридных режимов фокусируется на трех областях: «причины возникновения, условия стабильности и переходы от гибридности» [1].

Проводя типологию политических режимов, многие авторы признавали существование смешанных разновидностей различных режимов. Это умозаключение составило основу трактовки сущности «гибридов» и направленность исследовательского интереса ряда политологов. Изучение гибридных режимов идет как в русле анализа «волн демократизации», так и «волн авторитарных откатов». *Гибридные режимы* объединяют демократические черты (например, регулярные прямые выборы) с автократическими (например, политические репрессии) [1; 2]. Хотя в трактовках гибридных режимов

возникают разночтения, но при этом сложился консенсус в признании, что гибридные режимы получили широкое распространение после окончания холодной войны. Концепция гибридных режимов была разработана, чтобы осмыслить развитие стран, попадавших в «серую зону институциональной неопределенности». Дополнительным фактором распространения применения понятия гибридных режимов стало его использование в ранжировании государств аналитическим центром «Дом свободы» (Freedom House) на консолидированные и частично консолидированные демократии, *переходные* или *гибридные режимы*, частично консолидированные и консолидированные автократии.

Итак, под гибридным понимают политический режим, сочетающий «элементы институциональной демократии и авторитарной практики» [3]. Наряду с понятием гибридных режимов в том же смысловом спектре могут применяться понятия, отражающие суть «дефектных демократий» / «демократий с прилагательными». Л. Марлино, оказывая нечеткость определений (итальянский политолог, который с 2009 по 2012 гг. являлся президентом Международной ассоциации политических наук) ставил вопрос: существуют ли гибридные режимы, это форма переходных политических систем либо лишь «оптическая иллюзия»? (Morlino, Leonardo «Are there hybrid regimes? Or are they just an optical illusion?», 2009).

Как нами было отмечено, концепт гибридных режимов возник в том числе в связи с исследованиями авторитаризма. Российский политолог С. Н. Шкель выявил «волны исследований авторитаризма», связанные с «авторитарными откатами» от демократизации: 1922–1942 гг., 1958–1975 гг. [4]. В рамках «первой авторитарной волны» появилась «парадигма тоталитаризма» – до середины 1960-х гг. доминирующей в объяснении природы политических систем незападных стран была идея тоталитаризма в изложении К. Фридриха, З. Бжезинского (работа «Тоталитарная диктатура и автократия», 1956), Х. Арендт («Истоки тоталитаризма», 1951). К признакам тоталитаризма были отнесены: монополярная идеология, официально закреплённая однопартийность, централизация экономики, милитаризация страны, государственная цензура и монополия на СМИ, государственный террор и массовые репрессии.

Вторая волна в изучении авторитаризма связана с именами таких известных политологов, как Х. Линц, А. Степан, Г. О’Доннелл, Ф. Шмиттер. Указанные авторы сделали свои выводы, в значительной части опираясь на опыт развития стран Латинской Америки, Африки, Азии. Внимание исследователей было сконцентрировано на рассмотрении сущности и отличий авторитаризма от тоталитарных диктатур. Х. Линц и А. Степан подразделяли недемократические режимы на тоталитарные, авторитарные и султанистские [5]. Х. Линц выявил разновидности авторитаризма: дототалитарный, постколониальный, военно-бюрократический, корпоративистский, «расовая демократия» [6].

Г. О'Доннелл разработал объяснительные концепты «авторитарно-бюрократического государства» и «делегативной демократии». «Делегативная демократия» формируется в централизованных государствах, где доминирует исполнительная ветвь власти, не ограниченная другими ветвями власти [7]. Ф. Шмиттер в качестве гибридных режимов выделил демократуру (проводится демократизация без либерализации, когда победа на выборах гарантирована правящим силам при исключении определенных политических групп от участия в выборах) и диктабланду (проводится либерализация без демократизации, а правящие силы не подотчетны гражданам). Ф. Шмиттер указывал, что гибридные режимы формируются в переходный период в силу «прививки» авторитарных методов управления формирующейся политической системе [8].

К третьей волне изучения гибридных режимов можно отнести работы следующих западных политологов: Л. Даймонд, Б. Геддес, С. Левитски, Л. Вэй. Отталкиваясь от реальности «третьей волны демократизации», Л. Даймонд в работе «Размышляя над гибридными режимами» (2002) рассмотрел соревновательные автократии, гегемонистские электоральные автократии, электоральные демократии, спорные режимы в качестве гибридных [2]. Гибридный режим, по Л. Даймонду, является «псевдodemократическим», поскольку «формальное наличие демократических политических институтов (многопартийное электоральное соревнование) маскирует и легитимизирует реальность авторитарного господства» [2, р. 24].

Б. Геддес применила критерий ключевого субъекта принятия политических решений и на этой основе разграничила авторитарные режимы на «персоналистские, военные, однопартийные и амальгамы чистых типов» [9, р. 121]. Б. Геддес писала: «Большинство авторитарных режимов устанавливаются либо военным вмешательством, либо устранением конкуренции со стороны партии, которая получает власть в результате выборов... Персоналистские режимы обычно возникают после фактического захвата власти в результате борьбы за власть между соперничающими лидерами» [9, р.122–123].

С. Левитский и Л. Вэй изучали демократические, конкурентные авторитарные и закрытые авторитарные политические режимы (таблица 1).

Конкурентные автократии, согласно Л. Левитскому и Л. Вэю, – новый тип режима, который является гибридным. Конкурентные автократии получили распространение после холодной войны и отличаются тем, что в них проходят регулярные выборы, однако элиты злоупотребляют своим положением [10, с. 4–5]. В гибридных системах наличествуют атрибуты демократии: выборы, защита гражданских свобод, достаточно развитое политическое поле [10, с. 6]. Гибридные режимы зависят от: а) влияния ближайших торговых и финансовых партнеров («leverage»), б) вовлеченности в контакты со внешним миром («linkage»), в) организации институтов с точки зрения закрепления основ демократии [10]. «Там, где связи с Западом были ограничены и внешнее

демократизирующее давление было слабее, страны редко демократизировались. Там, где должностные лица обладали развитыми сплоченными партийными /организационными структурами, они смогли препятствовать вызовам оппозиции и выживать в конкурентных авторитарных режимах. Там, где у должностных лиц не было таких организационных инструментов, режимы были нестабильны, но при этом редко демократизировались» [11].

Таблица 1

Сравнительный анализ демократии, конкурентного авторитаризма и закрытых режимов [10]

Критерий	Демократия	Конкурентный авторитаризм	Закрытый режим
Наличие ядра демократических правил и институтов (выборы, гражданские свободы)	Широко признаны и укоренены как единственный путь к власти	Существуют и являются значимыми, но систематически нарушаются в пользу инкумбента	Не существуют или сводятся к фасадному статусу
Положение оппозиции	Конкурирует на более или менее равных условиях с инкумбентом	Основная часть оппозиции существует легально и в состоянии конкурировать открыто, однако находится в невыгодном положении в силу преследований инкумбентом	Запрещена, действует подпольно
Уровень непредсказуемости	Высокий	Определенная нестабильность в силу напряженности инкумбента в удержании власти	Низкий

М. Шмидт в работе «Политическая эффективность и типы демократии» (2002) наряду с демократиями мажоритарного и немажоритарного типа, а также референдумными демократиями разграничил несколько видов гибридных режимов: частичные демократии (находятся на пути демократизации), эксклюзивные /исключающие демократии (где значительная часть населения исключена из участия в общественно-политической жизни в силу будь-то этнической, религиозной принадлежности или политических убеждений и др.), доменная /анклавная демократия (определенные силы – крупный бизнес, военные, повстанцы – отдалают демократически избранное руководство от реального управления страной), «нелиберальные демократии» (в которых нарушаются принципы разделения властей и верховенства права, согласно Ф. Закария) [12, p.153].

Итак, гибридный режим имеет как элементы институциональной демократии, так и авторитаризма. С. Н. Шкель указывает, что гибридные режимы рассматриваются как «особые типы политического режима, ха-

рактизирующимися специфическими признаками и логикой функционирования... по своим базовым характеристикам они относятся не к семейству демократических, а к разновидности авторитаризма» [4]. Подчеркнем, что концепт гибридного режима возник как отражение противоречивости процессов транзита «третьей волны демократизации» и откатных движений в сторону формирования консолидированных автократий. Ю. А. Нисневич, А. В. Рябов акцентируют главный критерий авторитаризма – «моносубъектность власти и принятия решений», отмечая, что субъект принятия решений может быть как персоналитским, так и «выступать в качестве более сложного образования» [13, с. 85–86]. Указанные авторы для описания ряда постсоветских политических систем предложили использовать понятие «неоавторитарных режимов» по следующим признакам: гибкость, позиционирование себя «в качестве сторонников универсальных ценностей прав человека», декларирование ориентации на демократические стандарты [14, с. 171]. Л. В. Слуцкая считает, что «“новый” авторитаризм ... основан на госкапитализме, на военных и масс-медийных технологиях, новых методах пропаганды и личностных качествах лидеров» [15, с. 58].

Следует отметить важный момент. В русскоязычной политологии в последнее время отчетливо проявляется тренд критики и даже отторжения не только теории модернизации и транзитологии, но ряда других основ западной политологии. Соответственно, концепт гибридных режимов слабо востребуется (или вовсе игнорируется). Взамен развивается тренд критики демократии с отсылкой к практике ее реализации в западных странах. Приведем пример подобных рассуждений: «Кризис западной демократии, обусловленный распадом многих номинально демократических государств... дискредитирует саму идею демократии в ее классическом понимании... Поп-культура, вытесняя нравственные устои традиционного общества, размыла понятие личной автономности и информационной неприкосновенности, ...дав возможность политической элите управлять предпочтениями электората через универсализацию его интересов» [16, с. 99].

Критики демократии традиционно делают акцент на социальной эффективности авторитарных политических режимов в противовес турбулентным процессам демократизации. К примеру, А. Н. Королев ставит под сомнение «теорию о том, что демократические режимы неизменно показывают лучшие социальные результаты» [17, с. 84]. «Безудержная политическая конкуренция фактически препятствует улучшению социальных результатов, тогда как участие способствует их улучшению... возможно, демократизацию нужно начинать с мер, нацеленных на стимулирование различных форм участия, а не на усиление политической конкуренции...» [17, с. 104–103].

В современной политической науке возникли те же вопросы, что и в советском социально-политическом знании конца 1980-х гг.: о разграничении объективности и ангажированности ученых, знании достижений мировой социальной науки, ограниченности мышления ученых штампами и охра-

нительной логикой «здравого смысла». С нашей точки зрения, изучение и понимание особенностей гибридных режимов показывает значимость обращения к теории демократии.

Суммируем особенности гибридных режимов:

- наличие демократических институтов (разделение властей, регулярные выборы, многопартийность), хотя их функционирование ограничено;
- рыночная экономика с государственным вмешательством, что воплощается в государственном капитализме, сближении (вплоть до сращивания) обладания властью и собственностью;
- отсутствие единой обязательной идеологии/идеологическая размытость/«мимикрия»;
- отсутствие механизмов политической преемственности и передачи власти;
- активная коммуникация властных центров с обществом, использование демократической риторики;
- сдвиги в нормативно-ценностных основаниях социума и изменения моделей политической и гражданской идентичности населения;
- высокая адаптивность к меняющейся внутриполитической и внешнеполитической ситуации;
- активное нормотворчество и высокая изменчивость нормативной системы (по выражению Е. Шульман – «легизм, культ писаного права... В гибридных режимах создается масса законов и происходит непрерывное изменение правового поля» [3]).

Таким образом, концепт гибридных режимов возник на основе грандиозного объема научных публикаций по проблемам демократического транзита и изучения недемократических режимов. Ряд исследований в этом пуле основан на принципе: выявим, какая политическая система не является демократической, значит, уточним признаки демократических систем. Недостаточность «парадигмы тоталитаризма» поспособствовала научному интересу к изучению авторитарных режимов, а ограничения «парадигмы демократического транзита» (даже ее «конец», согласно Т. Карозерцу) повлияли на дрейф объяснительных моделей в сторону применения концепта гибридных режимов. Очевидны две амбивалентные линии в трактовках гибридных режимов: а) близость к демократиям, соответствующим критериям конкуренции элит и свободного демократического участия; б) принадлежность к эксклюзивным политическим системам, таким как конкурентный авторитаризм либо «дефектная фасадная демократия».

Список использованных источников

1. Hybrid Regimes [Electronic resource] Oxford Bibliographies. – Mode of access: <http://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780199756223/obo-9780199756223-0167.xml>. – Date of access: 29.01.2019.

2. *Diamond, L. Thinking About Hybrid Regimes* / L. Diamond // *Journal of Democracy*. – 2002. – Vol. 13, № 2. – P. 21–35.

3. Гибридные политические режимы и коррупция: отчет с научного семинара с Екатериной Шульман [Электронный ресурс] / Нац. ун-т «Высшая школа экономики». – 2016. – Режим доступа: <https://lap.hse.ru/news/179341485.html> 28.03.2016. – Дата доступа: 21.01.2019.
4. Шкель, С. Н. Новая волна: многообразие авторитаризма в отражении современной политической науки / С. Н. Шкель // PolitBook. – 2013. – № 4. – С. 120–139.
5. Linz, H. Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America and Post-Communist Europe. / H. Linz, A. Stepan. – Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 1996. – 504 с.
6. Linz, J. J. Totalitarian and Authoritarian Regimes / J. J. Linz. – London: Lynne Rienner Publishers, 2000. – 343 p.
7. O'Donnell, G. Delegative Democracy? / Guillermo O'Donnell [Electronic resource]. – Kellogg Institute Working Paper. – 1993. – № 192. – Mode of access: <https://kellogg.nd.edu/publications/workingpapers/WPS/172.pdf>. – Date of access: 29.01.2019.
8. Шмиттер, Ф. Угрозы и дилеммы демократии / Ф. Шмиттер // Политнаука [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: <http://www.politnauka.org/library/dem/schmitter.php>. – Дата доступа: 21.01.2019.
9. Geddes, B. What do we know about democratization after twenty years? / B. Geddes // Annual review in political science. – 1999. – № 2. – P. 115–144.
10. Levitsky, S. Competitive Authoritarianism: The Origins and Dynamics of Hybrid Regimes in the Post-Cold War Era / Steven Levitsky, Lucan Way. [Electronic resource]. – Mode of access: <http://homes.ieu.edu.tr/ibagdadi/INT435/Readings/General/Levitsky-Way-Stanford%20-%20Competitive%20Authoritarianism.pdf>. – Date of access: 29.01.2019.
11. Levitsky, S. Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War / S. Levitsky, L. Way. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2010. – 536 p.
12. Schmidt, M. Political performance and types of democracy: Findings from comparative studies / M. Schmidt // European Journal of Political Research. – 2002. – № 41. – P. 147–163.
13. Нисневич, Ю. А. Постсоветский авторитаризм / Ю. А. Нисневич, А. В. Рябов // Общественные науки и современность. – 2017. – № 4. – С. 84–97.
14. Нисневич, Ю. А. Современный авторитаризм и политическая идеология / Ю. А. Нисневич, А. В. Рябов // Полис. – 2016. – № 4. – С. 162–181.
15. Слуцкая, Л. В. Страх как инструмент возрождения авторитаризма / Л. В. Слуцкая // Политология: государственная политика и управление: сб. науч. тр. Евразийск. собрания политологов. Вып. 1 / редкол.: С. В. Решетников [и др.]. – Минск: Беларус. навука, 2018. – С. 48–59.
16. Кузьмина, Е. А. Гибридизация современных политических режимов / Е. А. Кузьмина // Вестн. Поволжск. ин-та управления. – 2017. – Т. 17, № 2. – С. 99–104.
17. Королёв, А. Н. Социальная эффективность политических режимов – имеет ли значение демократия? / А. Н. Королёв // Россия и АТР. – 2016. – № 3(93). – С. 82–105.

(Дата подачи: 20.02.2019 г.)